

УДК 811.161.1'42'271'371:177.62:821.161.1

О. Л. Ючко

Аспирант кафедры белорусской и русской филологии,
УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»,
г. Мозырь, Республика Беларусь

Научный руководитель: Коваль Владимир Иванович, доктор филологических наук, профессор

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ В СИТУАЦИЯХ «ЛЮБОВЬ-МАНИЯ» И «ЛЮБОВЬ-ИГРА»

В статье на материале рассказа А. П. Чехова «Володя» представлен анализ стилистически окрашенных лексических единиц, отражающих речевое поведение литературных персонажей в ситуациях эмоционального напряжения – «любовь-мания» и «любовь-игра». Выявляется зависимость выбора языковых средств от психологии и мировоззрения героев рассказа. Определяется лексика, выполняющая роль «триггера», оказывающая влияние на выбор персонажами произведения конкретной линии поведения.

Ключевые слова: вербализация, семантика, стилистическая окраска, любовь, любовь-мания, любовь-игра, речевое поведение.

Введение

Изучению репрезентации концепта «Любовь» как в языке, так и в художественных текстах русских и зарубежных авторов посвящены многочисленные исследования [1]–[7] и др., авторы которых выявляют объективную сложность этого феномена. Принимая во внимание многозначность соответствующей лексики в русском языке, отметим, что в данной статье учитывается лишь один ее лексико-семантический вариант – ‘чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола’ [8, с. 509]. В приведенном словарном определении ключевыми являются слова *склонность* и *влечение*. Показательно, что В. И. Даль при толковании слова *любовь* использует синонимичные номинации, выражающие глубокие эмоциональные состояния: *привязанность, страсть, желание, хотение, избрание, предпочтении, возжелание, охота, расположение* [9, с. 282]. Болгарский философ К. Василев, определяя понятие «любовь», выделяет в нем самые противоречивые проявления: «Любовь – сложное биологическое и социальное, материальное и идеальное, разумное и безрассудное, желаемое и нежелаемое, созидательное и разрушительное, эмоциональное и интеллектуальное, нравственное, психологическое, эстетическое и прагматическое влечение мужчины к женщине и наоборот, результатом которого являются крайне интенсивные, очень важные, иногда меняющие всю жизнь человека переживания и поступки» [10, с. 66].

Л. Н. Толстому принадлежит следующее высказывание, принципиально важное для рассматриваемой нами темы: «Если сколько голов, столько умов, то и сколько сердец, столько родов любви» («Анна Каренина»). Любовь, таким образом, реализуется в различных «вариантах», свидетельством чему является известное со времен Древней Греции учение о типах любви, к которым относятся *эрос* (страстная самоотдача, восторженная влюбленность), *филия* (привязанность одного человека к другому), *сторге* (семейная привязанность), *агапе* (жертвенная любовь). Канадский психолог Джон Алан Ли является автором современной «типологии любви»: *эрос* – страстная любовь-увлечение, стремящаяся к полному физическому обладанию; *людус* – гедонистическая любовь-игра, не отличающаяся глубиной чувства и сравнительно легко допускающая возможность измены; *сторге* – спокойная, теплая и надежная любовь-дружба; *прагма* возникает из сочетания людуса и сторге – рассудочная, легко поддающаяся контролю, любовь по расчету; *мания* появляется как сочетание Эроса и Людуса, иррациональная любовь-одержимость, для которой типичны неуверенность и зависимость от объекта влечения; *агапе* – бескорыстная любовь-самоотдача, синтез эроса и сторге [4, с. 55].

Логично предположить, что в сюжетах многих художественных текстов проявляются различные виды любовных отношений, которые вербализуются в специфических для них языковых средствах.

Цели и задачи

Цель данной статьи заключается в выявлении лексических особенностей речевого поведения персонажей в двух видах взаимоотношений – мужской любви-мании и женской любви-игре. Объект исследования – художественный текст с трагическим финалом (рассказ А. П. Чехова «Володя»).

Для достижения указанной цели были поставлены следующие задачи: 1) уточнить понятие «любовь-мания» и «любовь-игра»; 2) определить лексические единицы, отражающие эмоциональные состояния героев в ситуациях «любовь-мания», «любовь-игра»; 3) выявить лексику-триггер, ставшую причиной трагического финала произведения.

Методы и материал исследования

Материалом исследования являются лексические единицы, отражающие особенности речевого поведения персонажей в двух типах взаимоотношений – любви-мании и любви-игре в произведении А. П. Чехова «Володя». В процессе анализа использовались метод контекстного анализа и описательный метод.

Результаты исследования и их обсуждение

В названном рассказе главный герой всецело охвачен любовью-манией (*манья* – от др.-греч. *μανία* ‘страсть; безумие’) – чувством, которое его изматывает, вселяет неуверенность в себе, заставляет испытывать ревность и недоверие к окружающим. Психологическая ситуация осложняется также подростковым возрастом юноши-гимназиста, для которого характерны неуверенность, обостренное восприятие действительности, повышенная эмоциональность и тревожность. В авторской характеристике главного героя подчеркивается не только его внешняя непривлекательность, но и слабое здоровье, а также несмелость, боязливость: *... семнадцатилетний юноша, некрасивый, болезненный и робкий*. Приведенные характеристики отражают как внешние, так и психо-физиологические особенности героя, причем каждая из них является крайне нежелательной для молодого человека, стоящего на пороге взрослой жизни и стремящегося соответствовать общеизвестным представлениям о мужественности: «Закomплексованность», психологическая «ущербность» Володи, отчетливо осознаваемые им самим, усугубляются его отношениями с матерью, которая характеризуется писателем как *легкомысленная, избалованная, прожившая на своем веку два состояния – свое и мужнино, всегда тяготеющая к высшему обществу, не понимала его, и Володя раза два в неделю должен был провожать ее на ненавистную дачу*. Сравн.: *легкомысленная* ‘несерьезная’, *избалованная* ‘капризная, своенравная’; *прожить (два состояния)* ‘издержать, израсходовать (деньги, средства) на существование’. Весьма нелестной является подслушанная Володей характеристика его матери, данная хозяйкой дачи: *Шумихина говорила на террасе своей кухне Анне Федоровне, что его татам продолжает еще молодиться и наводит на себя красоту, что она никогда не платит проигрыша и имеет пристрастие к чужим ботинкам и к чужому табаку*. Негативная, мрачная «картина мира» подростка дополняется вероятным предстоящим исключением его из гимназии из-за неуспеваемости. Единственной отрадой, «лучом света» для Володи является смутно ощущаемое им, совершенно необычное и новое чувство – влюбленность: *Ему казалось, что он был влюблен в кухню и гостью Шумихиной, Анну Федоровну*.

В психологии влюбленность определяется как «неустойчивое, неуравновешенное состояние психики, характеризующееся как дисбаланс системы. <...> У влюбленного наблюдается своеобразная зависимость по отношению к объекту своей страсти, подобная алкогольной или наркотической зависимости, так как человек теряет способность управлять собой и плохо осознает происходящее» [12, с. 141].

Объектом любовного чувства подростка становится яркая противоположность Володи, на что указывает довольно контрастная характеристика внешности женщины: *«Это была подвижная, голосистая и смешливая барынька, лет тридцати, здоровая, крепкая, розовая, с круглыми плечами, круглым жирным подбородком и с постоянной улыбкой на тонких губах. Она была некрасива и не молода»*. Выделенные лексические единицы являются негативно-оценочными и используются автором произведения для придания контрадикторного характера героям. Очевидно, что юноша по своему психотипу является интровертом, сосредоточенным на собственном внутреннем мире и на своих переживаниях; в отличие от него «голосистая и смешливая барынька» Нюта ведет себя как типичный экстраверт, стремящийся своими поступками (в том числе неординарными) привлечь к себе всеобщее внимание. Между тем манера поведения и неприятная внешность Анны Федоровны (жирный подбородок и постоянная улыбка на тонких губах) вовсе не являются «сдерживающим фактором» для юноши, что вполне естественно для переживаемого им чувства. Характеризуя состояние влюбленности, Е. П. Ильин отмечает: «В период влюбленности ее объект кажется прекрасным и недостижимым. Человек рисует в своем воображении красочный образ, который может вовсе не соответствовать действительности» [13, с. 80].

Юноша, однако, интуитивно осознает, что испытывает вовсе не любовь: *... это желание, которое было странно, непонятно, он стыдился его и боялся, как чего-то очень нехорошего и нечистого...* Желание, о котором говорит автор, представляет собой физиологическое влечение, которое является одним из составляющих именно юношеской влюбленности (любви-мании),

испытываемой герою. При этом у влюбленного возникает психический дисбаланс, который «является результатом конфронтации противоположных друг другу эмоций и чувств» [14, с. 141]: болезненная сосредоточенность главного героя рассказа на мыслях об Анне Федоровне сопровождается внезапными переходами от возбуждения к подавленности и нерешительности. Влюбленность юноши, проявляющаяся как любовь-мания, целиком захватывает его внутренний мир, делает молодого человека несвободным, болезненно зависимым от объекта его чувств.

Кузина хозяйки дачи – Нюта (Анна Федоровна), будучи опытной, искусенной женщиной, легко «прочитывает» психологическое состояние подростка, понимает его переживания и затевает с ним игру-интригу, которая в полной мере соответствует описанию такого вида любви, как любовь-лююдус. Нидерландский культуролог Йохан Хейзинга, исследуя феномен игры и его значение в человеческой цивилизации, отмечал, в частности, устойчивую семантическую закономерность, в соответствии с которой в разных языках мира слова со значением ‘игра’, ‘играть’ развивают переносные значения, относящиеся к сфере непристойного, порочного поведения, распутства [11, с. 45–47]. Нюта, пользуясь ситуацией, активно заигрывает, кокетничает, флиртует с Володей, преследуя совершенно определенную цель – «расшевелить» юношу, спровоцировать его, подтолкнуть к более активным действиям.

С одной стороны, женщина, покровительственно-иронично, насмешливо общаясь с юношей, использует по отношению к нему негативно-оценочную лексику: *Какой вы, однако, тюлень, Володя! Вы всё сидите, молчите, думаете, как философ какой-нибудь. Фу, противный философ!* Отметим, что выделенные номинации употреблены автором в переносном характеризующем значении: *тюлень* ‘неуклюжий, пассивный, нерасторопный человек’ и *философ* ‘человек, склонный к отвлеченным рассуждениям, размышлениям’; немаловажную роль выполняет в данном случае и междометие *фу*, используемое для жеманно-манерного выражения укоризны, досады, презрения, отвращения.

С другой стороны, Нюта недвусмысленно «программирует» дальнейшее поведение Володи, одновременно позиционируя себя в качестве объекта любовных отношений: *Послушайте, будьте мужчиной! Ну, хоть улыбнитесь! А знаете, Володя, отчего вы такой тюлень? Оттого, что не ухаживаете за женщинами. Отчего вы не ухаживаете? Правда, здесь барышень нет, но ведь вам ничто не мешает ухаживать за дамами! Отчего вы, например, за мной не ухаживаете?* Важную стимулирующую роль выполняет адресованный Володе призыв Нюты *быть мужчиной*, который в «сжатом» виде означает побуждение юноши к «переключению» на взрослое, мужское поведение, в основе которого – смелость, решительность, инициативность. Следуя такой модели поведения, молодой человек, в полной мере демонстрируя свое маниакально-любовное состояние, искренне признается в этом Анне Федоровне (*Я... я люблю вас!*), но женщина в такой деликатной, сугубо интимной ситуации продолжает придерживаться избранной ею линии поведения. В ответ на признание она в свойственной ей манере именно играет, почти издеваясь над юношей: *Что слышу я?! – заплака она, как поют оперные певцы.* Обратим внимание на сравнение ответной реакции Нюты с пением оперного певца, с помощью чего писатель иллюстрирует «сценичность» происходящего для женщины. Наигранно-фальшивое поведение Анны Федоровны отчетливо проявляется и тогда, когда она, обращаясь к обнимающему ее юноше, продолжает снисходительно-насмешливо его «воспитывать», используя негативно-оценочные, обидные для него слова: *Однако, какое у вас нехорошее... злое лицо. Надо говорить, смеяться... Да, Володя, не будьте букой, вы молоды и успеете еще нафилософствоваться.* Отметим, что слово *бука* обычно используется для характеристики нелюдящего, необщительного ребенка, и в данной ситуации оно имплицитно содержит намек-побуждение юноши к «взрослению» и еще большей активности. Юноша между тем испытывает еще одно негативное состояние – чувство стыда, то есть сильного смущения от сознания собственной неловкости, неопытности, предосудительности своего («мальчишеского») поведения, своего несоответствия призыву быть мужчиной: *Ему было стыдно, что с ним только что обошлись, как с мальчиком, стыдно за свою робость.*

Ситуации интимной близости между Нютой и Володей предшествует восторженно-восхищенное любование юношей внешностью: *В просторной блузе, застывшая, с распущенными волосами, при том скудном свете, какой шел в комнату от белого, но еще не освещенного солнцем неба, она показалась Володе обаятельной, роскошной...* Между тем сама близость с Нютой имела для Володи негативные последствия, концентрированно выраженные в словах *гадливость* и *отвращение*: *...Всё слилось в одно ощущение острого, необыкновенного, небывалого счастья, за которое можно отдать всю жизнь и пойти на вечную муку, но прошло полминуты, и всё это вдруг исчезло. Володя видел одно только полное, некрасивое лицо, искаженное выражением гадливости,*

и сам вдруг почувствовал отвращение к тому, что произошло. Тяжелое морально-психологическое состояние юноши, вызванное «развенчанием» идеального женского образа, усугубляется негативно-оценочной вербальной реакцией женщины: *Однако мне нужно уходить, – сказала Нюта, брезгливо оглядывая Володю. – Какой некрасивый, жалкий... фи, гадкий утенок!*». Употребленные Анной Федоровной слова-характеристики *брезгливо* 'с отвращением', *некрасивый, жалкий* 'вызывающий жалость, достойный сострадания' способствуют нарастанию ощущений безысходности ситуации, никчемности и полной не востребоваемости героя. Значительное «опустошающее» влияние на психику подростка оказывает, несомненно, и словосочетание *гадкий утенок* 'о ком-либо невзрачном, незаметном', каждый компонент которого негативно «заряжен», исполнен презрения к молодому человеку. Очевидно, что употребление этого выражения соотносится семнадцатилетним юношей с собственным мрачным мироощущением, поскольку отсылает его к началу одноименной сказки Г. Х. Андерсена, где изображен вызывающий всеобщее презрение и подвергаемый гонениям утенок: «Все гнали бедняжку, даже братья и сестры сердито говорили ему: «Хоть бы кошка утащила тебя, несносного урода!» – а мать прибавляла: «Глаза бы мои тебя не видали!» Утки клевали его, куры щипали, а девушка, которая давала птицам корм, толкала ногою». В итоге словосочетание *гадкий утенок* «сжимается» в сознании Володи до оценочных прилагательных: он *гадок* сам (и внешне, и внутренне) и, самое главное, *всё гадко*, то есть весь окружающий мир стал для него отвратительным и неприемлемым.

Кроме того, любовь-мания для главного героя приобретает вид *грязных воспоминаний, бессонных ночей, угрызений совести*, а предмет его обожания становится *неуклюжим* и одетым в *малороссийский костюм, который ей совсем не идет*, к тому же сама Нюта *слишком громко хохочет*. Вместо любви главный герой испытывает и разочарование во всем, и ненависть ко всем и ко всему: *...Мать он ненавидел. Ненавидел он самого себя, кондуктаров, дым от паровоза, холод, которому приписывал свою дрожь...* Происходит дальнейшее нагнетание негативной картины мира подростка, что усиливается несправедливым высказыванием матери о его моральной ущербности: *Нет, Евгения Андреевна, он слишком испорчен! – говорила тата нараснев. – Над ним нет старшего, а я слаба и ничего не могу сделать*. Употребленное матерью Володи прилагательное *испорчен* 'с дурными наклонностями, распушенный' [8, с. 401], употребленное к тому же в сочетании с наречием степени *слишком*, сыграло, как можно предположить, роль своеобразного «триггера», окончательно «добившего» попавшего в трудную жизненную ситуацию подростка. Позитивные чувства, которые Володя рассчитывал отыскать в своей юношеской влюбленности, привели к окончательному разрушению его подростковой восприимчивой личности.

Главный герой анализируемого рассказа А. П. Чехова, отчетливо ощущая для себя тупиковость ситуации, не находит разумного выхода из нее и совершает самоубийство. Фактически Володя оказался не только в тупиковой для него ситуации, но и в состоянии стресса, который определяется как «состояние сильного эмоционального расстройства, перевозбуждения и перенапряжения, выражающееся в неспособности человека думать и принимать разумные решения, а также в неадекватном социальном поведении этого человека, в невозможности действовать рационально и целенаправленно в сложившейся ситуации» [12, с. 420].

Заключение

Анализ рассказа А. П. Чехова «Володя» с точки зрения вербального выражения поведения главных героев показал противопоставленность их «лексических портретов» в ситуации любовных отношений. Юноша в определенной мере испытывает чувство собственной неполноценности, ущербности, поскольку его внешность и поведение определяются словами *некрасивый, болезненный, робкий*. Негативное мироощущение молодого человека усиливается его неприязнью к матери, которая характеризуется как *легкомысленная и избалованная*, но главным образом – речевым поведением его «предмета обожания» – зрелой женщины, которая активно использует по отношению к нему стилистически сниженную лексику: *тюлень, философ, бука, противный, некрасивый, жалкий, гадкий утенок* и др. Тем не менее, новое для юноши чувство, определяемое как любовь-мания, только усиливается, и он искренне признается в этом женщине.

Поступки Анны Федоровны (Нюты) преследуют совершенно иную стратегическую цель – с помощью унижения и насмешливо-нравоучительной манеры общения подтолкнуть юношу к близости, ориентируя его на взрослую, «мужскую» линию поведения, что подтверждается употреблением ею соответствующих языковых средств: *Будьте мужчиной!, Улыбнитесь!, Отчего вы, например, за мной не ухаживаете?* и др. Закономерным следствием столкновения любви-мании – навязчивой, болезненной «привязанности» к объекту любовного чувства с любовью-людус, то есть ярко выраженным игровым, притворно-фальшивым поведением Нюты, стал трагический финал произведения.

Новизна предпринятого в работе подхода к анализу художественного текста заключается, во-первых, в возможности соотнесения психологических портретов персонажей с особенностями их речевого поведения, оказывающего влияние на развитие сюжета. Во-вторых, в таком случае оказывается возможным выявить круг слов, выполняющих роль своеобразных «триггеров», оказывающих влияние на поступки героев произведения.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бекова, Т. Б. Вербализация концепта «Любовь» в поэзии Серебряного века / Т. Б. Бекова // Вестн. Ингушского науч.-исслед. ин-та гуманитар. наук им. Ч. Э. Ахриева. – 2019. – № 1. – С. 89–91.
2. Бурмистрова, С. В. Любовно-семейная проблематика в русской литературе середины XIX века // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. – 2010. – № 8 (98). – С. 73–79.
3. Владимирова, А. Н. Языковая репрезентация любви как показатель человеческой сущности на примере поэтических произведений Джин Инджелоу / А. Н. Владимирова // *Lingua mobilis*. – 2011. – № 7 (33). – С. 11–17.
4. Воркачев, С. Г. Образная составляющая концепта love / С. Г. Воркачев // *Anglica selecta* : избранные работы по лингвоконцептологии / Воркачев, С. Г. – Волгоград, 2012. – С. 36–42.
5. Макшанцева, Н. В. Концепт «Любовь» в русском языке / Н. В. Макшанцева // Вестн. ун-та Российской академ. образования. – 2008. – № 1. – С. 112–116.
6. Соловьева, Т. В. Концепт «Любовь» и его лингвистическая репрезентация в лингвокультурном аспекте (на материале лирических и драматургических произведений К. Скворцова) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. В. Соловьева ; Челябин. гос. пед. ун-т. – Челябинск, 2009. – 23 л.
7. Тиханская, П. В. Вербализация концепта «Любовь» в поэзии Р. Рождественского / П. В. Тиханская // Філалагічная адукацыя ў XXI стагоддзі: мова, літаратура, методика, міжкультурныя камунікацыі : матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф. (18 крас. 2017 г.) / Беларус. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка ; пад. рэд. Н. В. Заяц. – Мінск, 2017. – С. 125–129.
8. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
9. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1978. – Т. 2: И–О. – 1979. – 779 с.
10. Василев, К. Любовь : пер. с болг. / К. Василев ; ред. Л. А. Богданович. – М. : Прогресс, 1982. – 384 с.
11. Хейзинга, Й. Homo Ludens / Человек играющий. Статьи по истории культуры / Й. Хейзинга ; пер. с нидерланд. и сост. Д. В. Сильвестрова. – 2-е изд., испр. – М. : Айрис-пресс, 2003. – 496 с.
12. Немов, Р. С. Психологический словарь / Р. С. Немов. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2007. – 560 с.
13. Ильин, Е. П. Психология любви / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2013. – 336 с.
14. Век, В. В. Влюбленность и любовь как объекты научного исследования : монография / В. В. Век. – Пермь : Изд. дом «Типография купца Тарасова», 2010. – 332 с.

Поступила в редакцию 31.08.2021

E-mail: o.yuchko@mail.ru

O. L. Yuchko

LEXICAL FEATURES OF LITERARY CHARACTERS' SPEECH BEHAVIOR
IN SITUATIONS OF 'LOVE-MANIA' AND 'LOVE-PLAY'

The article based on the story of A. P. Chekhov "Volodya" presents an analysis of stylistically colored lexical units reflecting the speech behavior of literary characters in situations of emotional stress – "love-mania" and "love-play". The choice of linguistic means that depends on the psychology and worldview of the heroes of the story is identified. Lexical units that play the role of a "trigger" and influence the characters' choice of a specific line of behavior is revealed.

Keywords: verbalization, semantics, stylistic coloring, love, love-mania, love-play, speech behavior.